

Л. Дейна Уилгресс
МЕМУАРЫ
(отрывок)

После моего визита в Южную Америку на меня, как на председателя совета по судоходству, были возложены новые обязанности. Вашингтонские власти ввели тщательно продуманную систему приоритетов в отношении имеющегося тоннажа. Канадскому совету по судоходству было поручено разработать приоритеты для канадского экспорта с учетом их важности для военных действий. У нас было множество встреч, чтобы определить нашу общую политику и заявки, которую мы должны были сделать властям в Вашингтоне. Мы с Маккаллумом посетили этот город, чтобы обсудить вопросы, и обнаружили, что наши коллеги в США в основном были бывшими должностными лицами United Fruit Company, поэтому мы окрестили их «банановыми парнями». С ними было непросто вести переговоры, но я мог оставить их большую часть Маккаллуму, который был знаком с языком судоходного братства.

Многогранный характер моей деятельности и долгие часы работы начали сильно напрягать меня, когда возникла перспектива нового направления деятельности. Это была возможность моего назначения канадским посланником в Советском Союзе. По ряду признаков я знал, что мою кандидатуру рассматривают для этой должности, и не мог решить, хочу я этого или нет. Я был счастлив в должности заместителя министра торговли и коммерции и не хотел отказываться от нее лишь после краткого периода пребывания в должности. В то же время, Россия была страной, которой я посвятил начало своей карьеры, и она всегда меня восхищала. Это была страна, в которой я провел большую часть Первой мировой войны, и мне казалось повторением судьбы, что мне суждено провести там последнюю часть Второй мировой войны.

Я провел летние каникулы 1942 года с женой в небольшом отеле в заливе Мюррей на реке Святого Лаврентия ниже Квебека. Каждое утро я читал газету на веранде отеля. Я следил за движением немецких армий к Сталинграду и начинал связывать судьбу этого русского города со своей собственной. В случае падения Сталинграда шансы на назначение канадского посланника в Советский Союз были бы невелики. Если Сталинград удержится, то они будут высоки. Этот вывод оказался верным. Однажды утром в октябре мне позвонил Норман Робертсон и спросил, не обедаю ли я, как обычно, в кафетерии в отеле Шато Лорье. Я сказал ему, что да, и он попросил меня встретиться с ним за пределами Восточного корпуса, где находятся офисы министерства иностранных дел. Как только мы поприветствовали друг друга, он сказал мне, что г-н Кинг попросил его сообщить мне, что он хотел бы предложить мне назначение в качестве первого канадского посланника в Советском Союзе. Я ответил, что с радостью его приму. Однако, кроме моего собственного назначения, ничего другого решено не было. Мне начало казаться, что я отказываюсь от уверенной, твердой позиции и совершаю прыжок в неизвестность. Перспектива начала меня пугать.

Назад в Россию

Первого ноября 1942 года я оставил должность заместителя министра торговли и коммерции, и Оливер Мастер, помощник заместителя министра, занял этот пост в ожидании окончательного назначения. Я перебрался в комнату в центральном корпусе парламента, которая была временно предоставлена в мое распоряжение. Я воспользовался

услугами мисс Пауэлл, которая была моей стенографисткой в Министерстве торговли и коммерции. До этого я подвергал ее большим нагрузкам и был рад, что смог возложить на нее менее обременительные обязанности. Она оказалась великолепным секретарем. Я всегда обнаруживал, что письма, которые ей диктовались, были напечатаны безупречно и никогда не нуждались в исправлениях. Редко осознается, сколь многим руководители высшего звена государственной службы обязаны самоотверженной и добросовестной помощи своих секретарей.

Для организации первой дипломатической миссии Канады в Советском Союзе предстояло сделать многое. В первую очередь нужно было организовать снабжение продовольствием. Наведя справки в Вашингтоне, мы получили название и адрес фирмы в Нью-Йорке, которая специализировалась на поставках продуктов питания дипломатическим представительствам за рубежом. Я получил копию их каталога и подготовил список необходимых товаров. Затем возник вопрос о надбавках, которые будут выплачиваться отдельным членам миссии. За такие детали отвечала мисс Макклоски, наш опытный бухгалтер, но она ранее не сталкивалась с проблемой отправки миссии в такую страну, как Советский Союз. С ней, Норманом Робертсоном и Хьюмом Ронгом, которые недавно приехали из Вашингтона, чтобы помочь в управлении Министерством иностранных дел, было проведено много консультаций. Ронг был самым полезным – он был отличным администратором, который знал, как «срезать острые углы» и добиваться цели.

Последним, но не менее важным, был вопрос, кого я должен взять с собой. Нас собирались разместить в Куйбышеве – временной столице, где, как мы знали, условия жизни будут тяжелыми. При этом казалось, что из соображений престижа у нас должен быть достаточно большой штат. Позднее это оказалось нашей большой ошибкой. Мне казалось необходимым, чтобы один из секретарей миссии говорил по-русски. Я разыскал несколько возможных кандидатов, но ни один из них не соответствовал требованиям. Нужно было обязательно найти кого-то, кто не был ни ярким сторонником, ни ярким противником коммунистического режима, и это требование исключало большинство бывших русских, ставших канадскими гражданами. В конце концов мы узнали, что в Вашингтоне появился капитан канадской армии МакКордик. Он возвращался со службы в Иране, когда его корабль был торпедирован у берегов Африки. Он был спасен немцами и передан французским властям в Северной Африке. Он находился в лагере для военнопленных в Марокко, когда высадились союзники. После освобождения он отправился в Вашингтон, где явился в канадскую дипломатическую миссию. Он был очень хорошим лингвистом и помимо французского и немецкого говорил на русском. Казалось, он был именно тем человеком, которого мы искали. После того, как он приехал в Оттаву и прошел собеседование, мы взяли его с собой, с указанием следовать за мной в Куйбышев после того, как он завершит свой отпуск на родине в Торонто.

Требовалось наличие старшего должностного лица, полностью знакомого с распорядком работы Департамента. Мне очень хотелось заручиться услугами Роберта Форда, с которым я познакомился в Бразилии, но он был инвалидом, и Жан Дези, посол в Рио, настоятельно советовал не отправлять его в Россию. В конце концов, мы сошлись на кандидатуре Рональда Макдоннелла, первого секретаря посольства Канады в Вашингтоне. Он имел многолетний опыт службы и знал все требования к работе в дипломатической миссии за рубежом.

Другое пополнение в нашем дипломатическом штате произошло совершенно случайно. Сол Рэй, секретарь-референт Робертсона, рассказал нам об Арнольде Смите, который в то время работал с британским министерством информации в его офисе в Каире. Он хотел поступить на канадскую службу и казался именно тем человеком, который нам нужен. Было условлено, что он присоединится к нам, когда мы будем проезжать через Каир.

Мы ехали в страну, энергия которой была направлена на ведение войны, и мне казалось логичным, что мы должны продемонстрировать признание этого факта, имея военного атташе в штате нашей миссии. В конце концов Министерство национальной обороны предоставило двух офицеров. Одним из них был бригадный генерал Лефевр, ветеран двух мировых войн, который стал слишком старым для действительной службы на фронте, а другим был капитан Джордж Окулич, канадец русского происхождения. Национальность его семьи противоречила нашей политике, но мы решили сделать исключение из-за очевидных усилий, предпринятых военными властями, чтобы найти двух самых лучших людей.

Последней и самой сложной проблемой было найти подходящих делопроизводителей. В департаменте обещали мне это устроить и найти мужчин в вооруженных силах, а об отправке женщин в Куйбышев не было и речи.

Все было организовано так, что в начале 1943 года я смог уехать в Майами, где должен был ждать транспортный самолет ВВС США, который доставил бы меня в Каир. Меня предупредили, что мне, возможно, придется подождать в Майами какое-то время, но я не воспринял это слишком серьезно. Тогда я не знал, что в то время проходила конференция в Касабланке, и все перевозки пассажиров, которые могли быть отсрочены, задерживались до тех пор, пока президент Рузвельт не сможет вернуться в Соединенные Штаты. Я провел месяц в Майами, не делая ничего, за исключением чтения русских книг и прогулок по улицам. Все отели в Майами-Бич были реквизированы военными властями, так что обычных туристов здесь не было. Абсолютное однообразие ничегонеделания сводило с ума.

В конце концов бронь была получена. Тем временем МакКордик, закончивший положенный ему отпуск, присоединился ко мне в Майами. Мы вместе вылетели на американском самолете; остальные пассажиры были обслуживаемым персоналом. Сначала мы вылетели в Джорджтаун, Британская Гвиана, а оттуда – в Натал, Бразилия, ночуя в каждом из этих мест в американских казармах. Затем последовал перелет через океан на остров Вознесения, где мы остановились в помещении при аэродроме, расположенном на потоке лавы потухшего вулкана. Трудно представить более безлюдное место. Там находился контингент армии Соединенных Штатов, и офицеры оплакивали судьбу, которая удерживала их от того, что они называли «зоной боевых действий». С острова Вознесения мы вылетели в Аккру на Золотом берегу. Это был перевалочный пункт для пассажиров, следующих на север – в Марокко или Алжир – и для тех, кто двигался на восток. Нам сказали, чтобы мы каждое утро наводили справки о возможности уехать. Мы делали это в течение четырех дней. После полудня мы отправились в город по прибрежной дороге. Тропическая растительность и толпы черных людей произвели на меня сильное впечатление. Это было мое первое африканское путешествие.

Наконец пришло известие, что на следующий день мы уезжаем рано утром. Мы полетели сначала в Лагос в Нигерии, затем в Кано. Аэродром находился недалеко от обнесенного стеной города, и было интересно наблюдать за постоянным потоком

чернокожих, выходящих из ворот. После Кано нашей следующей остановкой был город в Чаде на границе пустыни Сахара. Там Служба воздушного транспорта США открыла перевалочный пункт. Нам был подан замечательный ужин, поскольку они гордились тем, что подают лучшие блюда в Африке, все ингредиенты для которых были доставлены самолетом. На следующий день мы садились в нескольких местах, прежде чем добраться до Хартума, где мы ночевали под звездами на крыше военного здания. Наконец подошел последний этап путешествия, на котором мы следовали по Нилу вниз до Каира с остановкой в Луксоре. На этом мои путешествия с военно-воздушными службами США, эффективность которых меня очень впечатлила, закончились. В Каире мы направились в отель «Шепердс», где нас ждал Макдоннелл. Он пробыл там больше месяца, успев пережить задержку, вызванную конференцией в Касабланке.

В Каире мы закупили кухонную утварь, чайную посуду и другие принадлежности для миссии в Куйбышеве и организовали их доставку по маршруту через Иран. Ричард Грев, торговый комиссар Каира, и его очаровательная жена оказали нам большую помощь и помогли нам осмотреть достопримечательности.

Из Каира мы вылетели в Тегеран на британском самолете, по пути переночевали в Хаббании в Ираке. Нас разместили в британской дипломатической миссии в Тегеране на несколько дней. Макдоннелл и я первыми из нашей группы вылетели из Тегерана; Арнольд Смит присоединился к нам в Каире. Мы вылетели в Баку, где ночевали в гостинице «Интурист». Я был благодарен, что наконец добрался до России, смог говорить по-русски и отведать русскую еду. Мы узнали о близости фронта по присутствию в Баку большого количества солдат, и я отметил, что для охраны некоторых военных объектов использовались женщины. Перелет из Баку в Куйбышев был поистине кошмарным. Сначала мы летели очень высоко, так как недалеко были немцы. Потом мы спустились очень низко, пролетев всего в нескольких сотнях футов над Волгой.

В Куйбышеве меня приветствовали помощник начальника протокольной службы и г-н Баггулей, посланник посольства Великобритании, отвечающий за это учреждение в Куйбышеве. Посол все время находился в Москве. Баггулей предложил мне остаться с ним. Он жил в комфортабельном доме, который был выбран для сэра Стаффорда Криппса, когда он был послом в Советском Союзе. За нами ухаживали два слуги – волжских немца, и мои первые недели в Куйбышеве были очень приятными.

Остальные наши сотрудники разместились в здании британского посольства, где им было довольно тесно. По этой причине нам не терпелось переехать в выделенный нам дом, но у нас не было ни мебели, ни кухонной утвари.

Мы пробыли в Куйбышеве несколько недель, когда в отношениях между Советским Союзом и Польшей возник кризис. В результате польских представителей попросили покинуть Куйбышев. Австралийцы, прибывшие на два месяца раньше нас, взяли на себя управление польскими делами. Они уже поселились в двух квартирах в центре города, поэтому мебель поляков им была не нужна, и они согласились передать ее нам на хранение. Это решило одну проблему.

Вскоре после прибытия в Куйбышев мы с Макдоннеллом отправились на поезде в Москву, чтобы вручить верительные грамоты Председателю Верховного Совета г-ну Калинин. После четырех дней мучительно медленного путешествия мы прибыли в Москву в три часа ночи и были удивлены, увидев на станции начальника протокольной службы, который нас встретил. Я остановился в отеле «Националь», в том же номере, который лорд Бивербрук занимал во время своего визита в Москву в 1941 году, два года

назад. В то время фронт находился всего в шестидесяти милях к западу от Москвы, и в городе были все признаки строгой экономии военного времени. Большой театр был закрыт, так как и оперная труппа, и балетная временно переехали в Куйбышев. После вручения верительных грамот и встречи с В.М. Молотовым, министром иностранных дел, сэром Арчибалдом Кларком-Керром, британским послом, и адмиралом Стэндли, американским послом, я вернулся в Куйбышев.

Иностранным дипломатам в Куйбышеве было почти нечего делать. В.М. Молотов и большинство заместителей министров остались в Москве. Министерством в Куйбышеве руководил заместитель министра Лозовский. В его подчинении находилась большая часть штатных сотрудников министерства, и они решали все рутинные вопросы. Однако все важные дела должны были решаться в Москве. По этой причине англичане, американцы, послы Турции и Японии остались в Москве, в каждом случае оставив свои учреждения в Куйбышеве под контролем старших должностных лиц.

Дипломаты в Куйбышеве проводили утро, гуляя взад и вперед по главной улице, приветствуя друг друга. Вечером они посещали оперу или балет в прекрасном театре, ставшем временным домом для Большого театра. Чтобы избавиться от скуки, они щедро развлекали друг друга, и я никогда не видел таких роскошных обедов в то время, когда в России не хватало продуктов питания и многие люди недоедали.

Я очень хорошо узнал своих коллег. Одним из моих лучших друзей был Ассарссон, шведский посланник. Его нейтральная позиция позволяла ему получать интересную информацию от японских и болгарских представителей, с которыми у нас, естественно, не было контактов.

Одна группа, в которую входили Фирлингер из Чехословакии и Симич из Югославии, поддерживала тесные контакты с советскими властями. Самым мудрым из моих коллег был Фу Бинчан, посол Китая, с которым я имел обыкновение долго беседовать. Я всегда находил эти беседы интересными и полезными для нового понимания ситуации в России. Двумя нашими самыми яркими коллегами были Политис из Греции и Луис Кинтанилья из Мексики. Оба были прекрасными ораторами, и они часто монополизировали беседу на вечеринках, когда вступали в дебаты о том, что русские пытались сделать.

Время прошло достаточно приятно, и я обнаружил, что получаю много материала для интересных донесений в Оттаву – больше, чем можно было бы использовать из-за нехватки стенографистов. Джордж Пауэр, который был писарем на канадском флоте, присоединился к нашему штату, и перед ним стояла незавидная задача – печатать письма для меня и трех секретарей, а также шифровать и расшифровывать телеграммы. У двух военных атташе был молодой помощник из военно-воздушных сил, который доставил нам проблемы, влюбляясь в русских девушек, с которыми он не мог разговаривать.

Мы пробыли в Куйбышеве недолго, когда ко мне зашел секретарь посольства Швеции с предложением о предоставлении помещения для дипломатической миссии в Москве. Шведы были оставлены во главе датской миссии, когда датчане были вынуждены уйти после немецкой оккупации их страны. У датского посланника была ценная мебель, забота о которой беспокоила шведов. Шведский посол пришел к выводу, что было бы безопаснее, если бы помещения были заняты, и предложил нам это сделать. Я отправился в Москву, взяв с собой Арнольда Смита. Смотритель показал нам датские помещения, которые привели нас в восторг. Советское министерство иностранных дел не возражало против аренды нами этих зданий, если шведы, как защитники датских интересов, были согласны. Поскольку я уже отчаялся найти подходящее помещение, я согласился с этим

предложением, хотя по окончании войны это должно было стать источником неприятностей.

Одной из особенностей нашей жизни в Куйбышеве было празднование национальных праздников. Когда 1 июля наступил День Канады, я решил не праздновать его в нашем доме, который был едва ли достаточно большим для этого. Вместо этого я решил воспользоваться благоприятным временем года и арендовал небольшой речной пароход. На нем мы плыли почти три часа, пока не достигли долины, где река Волга прорывается между грядой низких, каменистых, густо заросших лесом холмов. Погода стояла теплая и солнечная; экскурсия оказалась восхитительной, и нашим гостям она очень понравилась. Я чувствовал, что мы достойно отметили национальный День Канады.

Между тем новости с Восточного фронта по-прежнему были хорошими. Немцы после попытки прорваться на Курском выступе были отбиты. Оказалось, что русская артиллерия нашла ответ на массовые атаки немецких танков. Начался общий отход немецких войск на Запад, и они больше не угрожали Москве. Все мы заговорили о скорейшем возвращении дипломатического корпуса в Москву. Окончательно решение было принято в августе, и весь корпус перевезли поездом. Операция, как и экскурсия из Куйбышева в Москву, была проведена с той эффективностью, на которую были способны русские, когда решаются на что-то необычное.

Вернувшись в Москву, мы обосновались в помещении нашей новой миссии. Оно состояло из двух зданий, главного и небольшого флигеля во дворе. Нам потребовалось какое-то время, чтобы собраться там, но в конце концов сумятица улеглась, и мы перешли к постоянному распорядку. Я занял помещение на втором этажа главного здания. Джорджу Пауэру была выделена комната в конце коридора. Я чувствовал себя потерянным в таких просторных помещениях и очень одиноким.

Это была новая жизнь. Увидеть коллег было труднее, чем в Куйбышеве, и все встречи приходилось согласовывать заранее по телефону. Большая часть нашего времени была занята домашними делами. Главную ответственность за их выполнение нес МакКордик, но он оказался слишком нетерпеливым, чтобы ладить с откладывающимися делами русскими.

Я искал шофера, когда однажды Джордж Костаки, грек, подал заявку на эту должность. Он хотел знать, может ли он, помимо зарплаты, получать продовольственный паек. Когда я сказал ему, что это невозможно, поскольку еды у нас достаточно только для нас самих, он предложил вместо этого работать на нас в обычные рабочие часы и предложил найти нам подходящего шофера. Меня впечатлила его откровенность и прозрачная честность; я также знал, что его брат работал мажордомом в посольстве Великобритании. Я решил принять его с испытательным сроком. Наши неприятности сразу же закончились. Когда возникала какая-либо проблема, о ней сообщали Костаки, и так или иначе он всегда находил решение.

Практически все диппредставительства в Москве имели своего рода мажордома для взаимоотношений с русскими по хозяйственным вопросам. Сложилась традиция, что для этой цели годились представители только трех национальностей: армяне, евреи или греки. Из этих троих греки, вероятно, были наиболее эффективны, потому что они были наименее агрессивными и знали, как обойти слабые стороны русского характера.

В американском посольстве был еврей по имени Моррис, который сделал себе имя, когда Уэнделл Уилки посетил Куйбышев. Уилки смотрел балет в театре и попросил Эдди Пейджа, секретаря посольства, принести цветы, которые он мог бы подарить балерине в следующем антракте. Пейдж передал просьбу Моррису, стоявшему в уголке ложи, и

попросил его достать цветы, сам не имея представления, где это можно сделать. Моррис вышел и поспешил в отель, где они побывали на банкете перед оперой. Он схватил букет с обеденного стола и сказал метрдотелю, что вернет его в течение часа. Затем он поспешил в театр, прибыв вовремя, чтобы позволить Уилки подарить цветы перед последним занавесом. Затем Моррис подошел к служебному входу и убедил балерину вернуть ему букет, чтобы он мог вернуть его в отель.

Когда Костаки начал работать, большинство наших проблем исчезло, и МакКордик смог уделять больше времени обычным обязанностям секретаря миссии. Мы стали должным образом организованными, и мои мысли начали переключаться на возможность присоединения ко мне моих жены и восьмилетней дочери Дианы. Они остались в Оттаве. Сэр Арчибальд Кларк-Керр говорил о том, чтобы привезти свою жену в Москву; она жила в Нью-Йорке. Мы слышали, что госпожа Литвинова, жена посла России в Вашингтоне, планировала вернуться в Москву воздушным путем через Сибирь. Сэр Арчибальд и я обратились в советское Министерство иностранных дел, и там пообещали посмотреть, что они могут сделать.

Однажды я получил сообщение о том, что моя жена и дочь должны быть в Номе, Аляска, к определенной дате. Оттуда их должны были обеспечить транспортом в Москву. Тогда я этого не знал, но когда моя жена получила сообщение [об отъезде], у нее оставалось всего пять дней, чтобы сдать в аренду наш дом, собрать вещи, сделать прививки и отправиться в путешествие по Сибири. ККВВС вовремя доставили их на Аляску, и оттуда они прыгали с аэродрома на аэродром, находясь в дороге только днем, пока наконец не достигли Москвы.

Было очень приятно, когда самолет приземлился, и я увидел свою жену и дочь Диану, стоявших в проеме открытой двери. «Видишь, папа, я не боюсь», – крикнула мне моя дочь, и тогда я осознал масштабы жертвы, которую я просил их принести, присоединившись ко мне в Москве.

Когда моя жена взяла на себя обязанности по хозяйству, ситуация для меня заметно изменилась к лучшему. Мне больше не приходилось терпеть долгие периоды одиночества. Моя жена вскоре подружилась с сотрудниками дипломатического магазина на главной торговой улице города. Они сообщали ей, когда будут получены новые товары и продукты, и она получала удовольствие от этих знакомств.

Помимо неизбежного круга дипломатических приемов, нашим главным способом проведения досуга было посещение театров. Нам повезло больше, чем большинству дипломатов. Помимо оперы и балета, мы, зная русский язык, могли смотреть драмы примерно в десятке театров. И игра, и постановки были на высшем уровне. Малый театр, расположенный рядом с Большим, специализировался на традиционной драматургии XIX века, и у труппы был классический стиль игры. Нам же больше понравился натуралистический стиль, присущий МХАТу. В конце концов, мы посмотрели весь его репертуар и, должно быть, видели «Трех сестер» Чехова не менее шести раз. Это была наша любимая постановка. Некоторые современные пьесы, поставленные в других театрах, были интересны, особенно пьесы польского писателя Корнейчука. Без такого развлечения как театр зима в Москве была бы удручающей.

Мы были достаточно заняты подготовкой депеш по разным вопросам для отправки в Оттаву. Время от времени нам поручали обсуждать вопросы с советским министерством иностранных дел. По большинству этих вопросов мы связывались с Новиковым, начальником отдела по делам Западной Европы и Британского Содружества. Он был

компетентным чиновником, но не поощрял абстрактные разговоры о ситуации в мире. По более важным вопросам я имел дело с одним из заместителей министра, например с Андреем Вышинским или Деканозовым. У меня никогда не было ничего достаточно важного, чтобы говорить с В.М. Молотовым. Он был очень занят: в дополнение к своим прямым обязанностям он отвечал за программу танкостроения.

Поразительно, сколько времени высшие советские чиновники уделяли своей работе. Г-н Микоян, министр внешней торговли сказал мне, что он спал всего по четыре часа каждую ночь. Вышинский сказал, что ему приходилось иметь дело с шестью сотнями страниц документов в течение дня. Высшие советские чиновники, несомненно, выполняли огромную работу.

В октябре 1943 г. в Москве состоялась конференция министров иностранных дел. В.М. Молотов был избран председателем, и царил прекрасная атмосфера. От Великобритании на конференции присутствовал сэр Энтони Иден, а от Соединенных Штатов – Корделл Хэлл. Сэр Энтони Иден только что прибыл с первой конференции в Квебеке и очень лестно отзывался о мерах, принятых [для организации конференции] канадским правительством.

Несколько месяцев спустя в Москву с официальным визитом прибыл сэр Уинстон Черчилль. Его целью было в основном обсудить проблему того, какое правительство должно было представлять поляков. Этот конфликт обострился. Ему не удалось изменить позицию советского правительства, но оно согласилось принять г-на Миколайчика, главу польского правительства в изгнании в Лондоне и назначенного премьер-министром. Я видел его, когда он приехал в Москву, но я понимал, что его миссия была обречена, потому что русские собирались установить в Польше полностью коммунистический режим.

Визит сэра Уинстона Черчилля предполагал проведение одного из тех огромных кремлевских банкетов и произнесение многочисленных тостов. Вместо того чтобы следовать русскому обычаю и просто предложить взамен еще один тост, Черчилль произнес впечатляющую речь, переведенную на русский язык. Это вызвало большой энтузиазм, отчасти потому, что русские не привыкли к послеобеденным речам. Я уверен, сказал он, что Великобритания и Россия сохраняют и в мирное время то тесное сотрудничество, которое было выковано в годы войны.

После выступления Черчилля Сталин предлагал один за другим тосты за генералов, которые были ответственны за благоприятный поворот в войне. Он не только знал каждого по имени, но и знал, где тот сидит за длинным столом. Генералы подходили к Сталину, чтобы чокнуться с ним, демонстрируя явное удовлетворение от такой чести. Этот вечер стал для меня ясной демонстрацией того, что Сталин полностью контролировал советские военные действия. Я считаю знаменательным, что после многочисленных тостов он через стол обратился к Молотову, и я слышал, как он спрашивал, не забыл ли он кого-нибудь. «Вы забыли советский флот», – ответил Молотов, и Сталин немедленно исправил эту оплошность.

Из всех приемов, на которых я присутствовал, одним из самых заметных был прием, который проводился в резиденции Молотова на Спиридоновке 7 ноября 1943 года, в годовщину революции. У русских было три веских причины для празднования. Только что завершившаяся Московская конференция министров иностранных дел увенчалась успехом, только что был освобожден важный город Киев, а чиновники министерства

иностранных дел только что получили свою новую форму, обильно украшенную золотым шитьем.

Молотов сидел за маленьким столиком с британским и американским послами, и они выпили множество рюмок водки. Были приглашены корреспонденты газет, которые поглядывали на стол Молотова, чтобы узнать, как поживают его гости. Уходя, Молотов поссорился с Ассарссоном, шведским посланником, который, как я слышал, кричал: «Никогда, никогда!» Я не знал, о чем идет речь, но несколько недель спустя советское правительство попросило шведское правительство отозвать Ассарссона.

Опыт пребывания в военной Москве, такие интересные интермедии и постоянный обмен мнениями с моими коллегами произвели меня глубокое впечатление. Я ясно понимал, что отношения между Советским Союзом и другими западными странами станут ключевой проблемой после окончания войны.

Нуждами иностранцев в Москве занималась организация, известная как Бюробин – сокращение от русских слов, означающих «Управление по обслуживанию иностранцев». Г-н Гришин, глава этой организации, был многострадальным чиновником, который всегда стремился показать, что делает все возможное, чтобы справиться с многочисленными требованиями к своим ресурсам.

После приезда жены и дочери я заручился услугами пожилой женщины, Веры Андреевны, в качестве гувернантки моей дочери Дианы. Она и еще более пожилая тетюшка были единственными оставшимися членами семьи Сухомлиновых, один из которых был царским военным министром, а другой – генерал-губернатором в Омске, когда я приехал туда в 1916 году.

Она хорошо говорила по-английски и давала уроки моей дочери, пока та не выучила русский язык достаточно, чтобы ходить в школу.

Потом мне удалось устроить Диану в балетную школу при Большом театре. Полагаю, она была первой дочерью дипломата, получившей эту привилегию. Дочь Джорджа Ф. Кеннана поступила в эту школу годом позже. У девочек были и танцы, и обычная школа, и это, несомненно, была лучшая школа в Москве. Начальником отдела общего обучения был Бахметьев, член старинной московской семьи. Он свободно говорил по-английски и до революции состоял в гвардейском полку, офицеры которого время от времени говорили друг с другом по-английски.

Однако здание не отапливалось должным образом, и, проучившись год в школе, наша дочь заболела пневмонией. До этого, к счастью, мы устроили ей вечеринку по случаю дня рождения, на которую пригласили весь ее класс. Я никогда не забуду восхищение, которое отразилось на лицах девушек, когда они увидели нашу большую гостиную с красивой мебелью.

С лета 1943 года часто праздновали победы на фронте, особенно когда один важный город за другим отбивали у врага. Обычно это были салюты, хорошо видимые с нашего двора.

В 1944 году, после того, как немцы сняли блокаду Ленинграда, мы посетили этот город и увидели героическое сопротивление русских, которым пришлось выдержать обстрел немецкой артиллерией с огневых позиций в нескольких милях от города.

Однажды вечером в Москве нас пригласили в оперу, и мы оказались одной в ложе с мистером и миссис Зарубиными. В тот же день я получил официальный запрос о согласии канадского правительства на его назначение послом в Канаде вместо Гусева, которого переводили в Лондон. Я встречался с Зарубиным раньше, но плохо его знал. Однако он

работал в отделе министерства иностранных дел, занимающемся делами, имеющими отношение к Соединенным Штатам, и американцы очень хорошо о нем отзывались. Следовательно, я смог положительно написать о нем в телеграмме при уведомлении Оттавы об официальном запросе, который я получил.

В начале 1945 года в Москву в качестве советника посольства прибыл Леон Меран. Он приехал Сибирским маршрутом. Что было не менее важно, он привез с собой двух канадских стенографисток. Я понял, что наши кадровые проблемы закончились.

Я провел в Советском Союзе двадцать пять месяцев без перерыва – более длительный срок, чем обычно считается желательным для западных дипломатов, когда пришли инструкции, что я должен принять участие в конференции, созывавшейся в конце апреля 1945 года в Сан-Франциско с целью создания Организации Объединенных Наций. Мы с женой и дочерью сначала вылетели в Омск, но, к моему сожалению, мне не предоставили возможности осмотреть город, в котором я жил два года во время Первой мировой войны. Это было на другой стороне реки от аэропорта. Следующую ночь мы провели в Красноярске. Оттуда мы пролетели над бескрайними лесами к месту к северу от Становых гор, которое считалось одним из самых снежных в Советском Союзе. Поскольку были прогнозы погоды о потеплении, которое может продержаться несколько дней, пилот самолета решил двигаться дальше, и в три часа ночи нас вытащили из постели.

Мы прилетели в Якутск, где военный комендант аэропорта настоял на неизбежном большом обеде с еще более неизбежной водкой. Это оказался сибирский сорт – восемьдесят градусов крепости. Остаток дня я чувствовал себя очень неудобно, и это испортило мне удовольствие от осмотра Якутска. Мы летели на восток над высокими горами северо-востока Сибири и дважды приземлялись на ночевки. На каждой из этих остановок мы видели, как через Сибирь группами пролетали многочисленные истребители после того, как русские получали их на Аляске. В конце концов мы достигли Уэлькаля на Беринговом проливе, напротив оконечности Аляски. Там мы получили прекрасную еду, поскольку припасы доставлялись морем из Сиэтла.

Из Уэлькаля мы перелетели в Фэрбенкс, штат Аляска, и попрощались с нашим русским пилотом, который привез нас из Москвы. Мы чрезвычайно удобно разместились в квартире медсестер в Фэрбенксе, и с удовольствием снова насладились благами американской цивилизации. Канадский самолет доставил нас из Фэрбенкса в Эдмонтон, где мы сели на поезд, идущий в Оттаву.